

А. С. ПУШКИН В ИСПАНСКОЙ ПРЕССЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Знакомство испанских читателей с жизнью и творчеством А. С. Пушкина началось не с чтения его произведений в испанских переводах,¹ а с критических заметок в испанских периодических изданиях. Как отмечает испанский славист Р. Монфорте, «литературные и культурные журналы играли исключительно важную роль в популяризации русской литературы».²

Самые первые сведения о Пушкине, которые нам удалось обнаружить, появились в испанской прессе в 1820-е годы. Небольшая заметка, посвященная русскому поэту, была опубликована в газете «Diario mercantil de Cádiz» в 1824 году в разделе новостей из Парижа: «Молодой русский поэт Александр Пушкин только что закончил новое произведение, которое, кажется, превосходит все его известные работы. Рукопись этой поэмы, в которой содержится не более 600 строк, была куплена за 3 тысячи рублей одним московским книготорговцем, то есть по 5 рублей (около 4 дуро) за стих: невиданная для России цена».³ В этом тексте привлекают внимание два важных момента, на которых сделан акцент, — *молодость* поэта и некоторая *феноменальность* его заработков, что косвенно является подтверждением выдающегося литературного таланта.

Приведенные в статье цифры и факты позволяют предположить, что речь идет о поэме «Бахчисарайский фонтан», которая была опубликована в России в марте 1824 года.

П. А. Вяземский, который имел отношение к изданию поэмы в России, поместил в книге 8 журнала «Новости литературы» за 1824 год заметку «О Бахчисарайском фонтане не в литературном отношении», в которой как раз привел все эти сведения: «Появление „Бахчисарайского фонтана“ достойно внимания не одних любителей поэзии, но и наблюдателей успехов наших в умственной промышленности, которая также, не во гнев будь сказано, содействует, как и другая, благосостоянию государства. Рукопись маленькой поэмы *Пушкина* была заплачена три тысячи рублей; в ней нет шести сот стихов; итак, стих (и еще какой же? заметим для биржевых оценщиков — мелкий четырехстопный стих) *обошелся* в пять рублей с излишком».⁴

У нас нет основания предполагать, что испанская заметка была напрямую перепечатана из «Новостей литературы», так как в ней не упоминается даже название произведения, о котором идет речь. Свидетельством источника заимствования может служить написание фамилии Пушкина в ней — *Puschkin*, т. е. немецкоязычное. Судя по всему, источником является статья «Русский поэт Пушкин» из берлинского журнала «Zeitung für die elegante Welt» за 1824 год, в которой сообщается: «Молодой русский поэт Пушкин не так давно опубликовал новое произведение, которое по тонкости содержания, вероятно, превосходит все предыдущие работы автора. Заглавие гласит

¹ О первых переводах произведений Пушкина на испанский язык см.: *Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en América // Actas del III Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas: celebrado en México D. F. del 26–31 de agosto 1968. México, 1970. P. 815–822.*

² *Monforte R. Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX // Traducción y cultura: La literatura traducida en la prensa hispánica (1868–98). Bern; Berlin; Bruxelles: P. Lang, 2010. P. 307–318.*

³ *Diario mercantil de Cádiz. 1824. Octubre 7. № 2989. P. 2. Здесь и далее перевод мой. — А. В.*

⁴ *Вяземский П. А. О «Бахчисарайском фонтане» не в литературном отношении: (Сообщено из Москвы) // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб., 1996. С. 189 (первые: Новости литературы. 1824. Кн. 8. № 13. С. 10–12).*

„Бахчисарайский фонтан“; один немецкий купец⁵ заплатил автору за рукопись три тысячи рублей. Стихотворение содержит около 600 строф, таким образом за каждую строфу было заплачено пять рублей — невиданная для России цена».⁶ Очевидно, что испанское издание перепечатало абзац из немецкого издания практически дословно, по невыясненным причинам не упомянув название поэмы.

Эта историческая несправедливость была исправлена «*Diario mercantil de Cádiz*» в 1827 году в статье «Русская поэзия»,⁷ которая стала вторым прижизненным упоминанием Пушкина в испанской прессе.

В этой статье частично дублируется информация из заметки 1824 года о том, что молодой русский поэт Пушкин закончил свое небольшое, но прекрасное произведение «Бахчисарайский фонтан», которое приобрел книгоиздатель Пономарев за 3000 рублей.⁸ Далее речь идет о самом Пушкине: испанский анонимный автор называет его «литературным феноменом», который, будучи еще учеником Царскосельского лицея, написал стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», получившее одобрительные отзывы. Кроме того, в статье подчеркивается, что Пушкин очень молод, но уже создал три поэмы, которые не только оригинальны, но и названы «украшением русского Парнаса» («el ornato del Parnaso ruso»). Первая из них — «Руслан и Людмила», которая «представляет нашему взгляду богатые дворцы Киева», «храбрых героев» и «бардов тех времен». Автор заметки хвалит Пушкина за динамичный темп повествования («rapida narracion»), четко очерченные образы («bien marcados los caracteres»), живые описания («animadas descripciones») и прекрасный язык («excelente lenguaje»). Следующая описанная поэма — «Кавказский пленник» («Kaw Koskoi Plennik»), которая повествует о жестоких нравах кавказских разбойников («costumbres duras de los bandidos del Caucaso»).⁹ Далее в статье говорится, что эта поэма известна в Германии по переводу Вульфберта («Mr. Wuslert»).¹⁰

Специфическое написание названия поэмы «Кавказский пленник» и метафора «украшение русского Парнаса» отсылают нас еще к одному источнику, о котором пишет Г. Ершофф в статье «Прижизненная известность Пушкина в Германии»: «Несмотря на довольно обширную информацию, уровень знаний о Пушкине и его творчестве оставался относительно невысоким. Об этом свидетельствуют вышедшая в 1830 году энциклопедия Брокгауза («Allgemeine deutsche Real-Enzyklopädie für die gebildeten Stände»), а также статья „Русская литература“, которую лейпцигская газета „*Blätter aus der Gegenwart*“ перепечатала из „*Revue littéraire*“. Из произведений Пушкина в этих изданиях названы „Кавказский пленник“, „Бахчисарайский фонтан“, „Евгений Онегин“, „Полтава“, „Руслан и Шеветлана“ (!?), причем последнее название — явная путаница со „Светланой“ Жуковского. В то время как Пушкин уже осуществил в своем творчестве качественный переход к реализму, Брокгауз помещает о нем скупое и отчасти даже ложное сообщение; за крупнейшего русского писателя выдается Карамзин, а о самом Пушкине мы среди прочего читаем, что им написаны ода „Вольность“, „Воспоминания в Царском Селе“, „Руслан и Людмила“, „Кавказский плен-

⁵ К сожалению, установить, о каком немецком купце идет речь, не удалось.

⁶ Der russische Dichter Puschkin // Zeitung für die elegante Welt: Mode, Unterhaltung, Kunst, Theater (Berlin). 1824. P. 1869–1870 (см.: <http://mdz-nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bvb:12-bsb10532420-9> (дата обращения: 31.05.2019)).

⁷ Poesía rusa // Diario mercantil de Cádiz. 1827. Agosto 16. № 403. P. 2–3.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Судя по всему, речь идет об издании «Кавказского пленника» на немецком языке: Der Berggefangene von Alexander Puschkin. Aus dem Russischen Übersetzt. St. Petersburg, 1823. Составители каталога «Деньги–Пушкин–Деньги» отмечают следующее: «Автор перевода А. Е. Вульфберт, питомец Дерптского университета, получил за перевод от императрицы Елизаветы Алексеевны „золотые часы с репетицею“, а в 1826 году назначен редактором „Санкт-Петербургских ведомостей“. Пушкин за произведение, переведенное на иностранный язык, не получил ничего, так как автору гонорар за выполненный с его произведения перевод не полагался». См.: «Деньги–Пушкин–Деньги»: Альбом-каталог выставки в Государственном музее А. С. Пушкина, июнь–декабрь 2009. М., 2010. С. 43.

ник“ («Kaw-Koskoi Plennik»). Далее эти произведения, в особенности „Бахчисарайский фонтан“, именуются украшением русского Парнаса». ¹¹

Вслед за этим достаточно подробно пересказывается содержание «Бахчисарайского фонтана». Можно предположить, что эти сведения также были заимствованы из статьи «Русский поэт Пушкин», опубликованной в журнале «Zeitung für die elegante Welt» в 1824 году.

Статья «Русская поэзия» в испанском издании «Diario mercantil de Cádiz» заслуживает особого внимания по нескольким причинам. С одной стороны, она представляет собой причудливую компиляцию из разных источников; внимание читателя снова акцентируется на важных характерных чертах русского автора, которые, предположительно, отличаются его от других, — его *молодости* и *феноменальности*. С другой, интересен ракурс восприятия жизни и творчества Пушкина, представленный в этой статье. Автор предлагает нам обратить внимание еще на одну важную черту — *романтичность* его творчества. Дело в том, что в 1820-е годы в Испанию начали проникать веяния романтизма, уже господствовавшего в других европейских странах.

Следует иметь в виду, что 1830–1840-е годы для Испании — это время интенсивного развития романтизма, продолжающегося впитывания опыта романтической литературы Англии, Франции и Германии. Испанские романтики оказывались под влиянием различных иноязычных тенденций, при этом они чаще всего открыто указывали на источник заимствования. ¹²

Именно в контексте романтизма начинается восприятие Пушкина в Испании. Анонимный автор этой заметки в жизни и творчестве Пушкина обращает внимание на значимые для романтизма моменты: во-первых, национальный колорит «Руслана и Людмилы» и историзм выбранного сюжета, во-вторых, изображение нравов и обычаев в «Кавказском пленнике» и, в-третьих, романтический сюжет «Бахчисарайского фонтана», его экзотическое место действия.

Затем упоминание Пушкина появилось 25 ноября 1831 года в издании «Diario balear». Заметка под названием «Русская литература» начинается с категоричного заявления: «В русской литературе мало произведений, представляющих общий интерес («interes general»), она ограничивается тем, что дает нам представление о национальном таланте». ¹³ Далее помещен небольшой обзор существовавших на тот момент в России литературных журналов («Северные цветы», «Радуга» и др.), а также — пассаж о том, что русская литература испытывает влияние множества других богатых литератур («literaturas ricas») и не может придерживаться независимости от инолитературных образцов. Это высказывание подтверждается таким примером: «Александр Пушкин, который ранее пытался передать манеру французской поэзии в своей поэме „Руслан и Людмила“ («Russlan y Schewetlana»), опубликовал позднее „Кавказского пленника“ и „Бахчисарайский фонтан“, которые стилем напоминают Байрона. Его последние произведения — „Евгений Онегин“ и „Полтава“. „Евгений Онегин“ — фантастический рассказ, который описывает нравы («costumbres») и сообщества Санкт-Петербурга». ¹⁴ Написание фамилии Пушкина (Puschkin) и названия поэмы «Russlan y Schewetlana» дает возможность предположить, что здесь мы тоже имеем дело с перепечатыванием немецкоязычного оригинала критической статьи, но более негативно настроенной. Таким источником с большой долей вероятности могла стать уже упоминавшаяся статья в энциклопедии Брокгауза.

В этой заметке 1831 года Пушкин предстает перед испанскими читателями подражателем, но все равно описателем нравов. Причем в обеих заметках (1827 и 1831) использовано слово «costumbres», что должно вызывать ассоциацию с характерным для испанского романтизма явлением — костюмбризмом — и приблизить творчество Пушкина к испанскому пониманию романтизма.

¹¹ Ершофф Г. Прижизненная известность Пушкина в Германии // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 72.

¹² Подробнее см.: Тертерян И. А. Испанский романтизм. Общая характеристика // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 229–233.

¹³ Literatura rusa // Diario balear. 1831. Noviembre 25. P. 3–4.

¹⁴ Ibid.

Таким образом, испанский читатель мог почерпнуть из этого небольшого текста информацию о существовании *национального* таланта, которым обладал поэт Пушкин. При этом в его творчестве, тяготеющем к *романтизму*, много *заимствованного*.

Следующие упоминания Пушкина в испанской прессе, которые относятся к первой половине XIX века, отличаются от предыдущих уже тем, что написание фамилии русского поэта приводится во франкоязычном варианте — *Pouchkine*. В сентябре 1838 года в издании «El Atlante» города Санта-Крус-де-Тенерифе был опубликован малоинформативный некролог: «Нет ничего более простого и поэтичного, чем надгробный памятник, который только что был воздвигнут в Пскове («Pakow»), Россия, в память о поэте Александре Пушкине на невысоком холме недалеко от Святогорского монастыря («Klectogorski»). Памятник украшен черным крестом и следующей надписью: Пушкин».¹⁵

К сожалению, приведенные сведения не дают нам возможности составить представление о том, как они дополнили образ «испанского Пушкина». Тем не менее здесь можно усмотреть некоторую романтическую поэтизацию смерти русского автора.

После этого о Пушкине вспомнили только в 1849 году на страницах мадридского издания «La ilustración: periódico universal». Первое из упоминаний — отрывок из статьи под названием «Русская современная литература»¹⁶ с подзаголовком «Пушкин — Лермонтов — Гоголь» — было опубликовано в мае 1849 года. Ниже была помещена сноска, в которой сообщалось, что статья представляет собой выдержку из другой известной работы, посвященной русской литературе, которая еще не публиковалась в переводе на испанский язык. Нам удалось установить, что это перевод статьи «О современной русской литературе» из парижского журнала «Illustration».¹⁷ Полный французский текст этой объемной подробной статьи, представляющей «глубокую и верную характеристику исторического развития русской литературы», был опубликован Л. Р. Ланским в «Литературном наследстве»¹⁸ с русским переводом. Пытаясь установить авторство, исследователь привел серьезные и заслуживающие доверия аргументы в пользу И. С. Тургенева.

Из этой статьи испанский читатель мог получить достаточно полные и подробные сведения об истории русской литературы на 1840-е годы и о том значимом месте, которое в ней занимало творчество Пушкина. «Истинно национальная литература в России началась лишь с Александра Пушкина»,¹⁹ — писал автор. Он понимал, что его статью будут читать в Европе, поэтому акцентировал внимание на распространении творчества русского поэта за пределами России: «Настигнутый в расцвете творчества трагической смертью (в 1837 году), Пушкин начинает пользоваться почетной известностью вне своей родины. Однако он далеко еще не оценен по достоинству. Европе знакомы лишь его первые поэмы, написанные под влиянием лорда Байрона; а два его шедевра — роман в стихах „Евгений Онегин“ и драма „Борис Годунов“ — были переведены только на немецкий язык. <...> В известных публикациях Пушкина форма несет еще на себе следы подражания иностранным образцам. Но основа, характер, душа всех его произведений — в высшей степени русские. <...> Пушкин, несомненно, является первым национальным поэтом России».²⁰

Здесь мы можем обратить внимание на важные моменты: Пушкин — *национальный* автор, в некоторых своих произведениях *подражавший* европейским авторам.

¹⁵ El Atlante. 1838. Septiembre 2. № 245. P. 1–2. Можно предположить, что в некрологе приведено описание рисунка П. Ф. Соколова «Могила Пушкина в Святогорском монастыре», выполненного в 1838 году.

¹⁶ Literatura rusa contemporanea. Pouchkine — Lermontoff — Gogol // La ilustración: periódico universal. 1849. T. I. № 13 (Mayo 26). P. 99.

¹⁷ Illustration. 1945. № 125. 19 juillet.

¹⁸ Статья о русской литературе / Публ. и пер. с фр. Л. Р. Ланского // Лит. наследство. 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 271–287.

¹⁹ Там же. С. 282.

²⁰ Там же. С. 284.

Продолжение этой статьи было опубликовано в следующем номере.²¹ В нем критик, а вместе с ним и переводчик на испанский язык рассказывают читателям о том, что Пушкин — истинный поэт, в творчестве которого отразилось «сердце и ум русских людей», а также предпринимают попытку проанализировать и объяснить проблемы перевода и восприятия Пушкина в Европе: «В Пушкине нет ничего необычного, ничего неожиданного, фантастического, исключительно личного; Пушкин жил жизнью общей всем людям, и он выразил то, что чувствовали все. Из-за отсутствия себялюбивой оригинальности, своего собственного местного колорита, он может показаться иностранцам, не читающим его в подлиннике, несколько бледным».²²

В отличие от оригинальности и феноменальности, которую отмечали авторы предыдущих статей о Пушкине, здесь речь идет о его *обыкновенности* и *простоте*, дополненных *национальными* культурными, литературными и историческими особенностями.

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, случаи упоминания Пушкина в испанской прессе в первой половине XIX века неравнозначны: где-то даются лишь отрывочные сведения, где-то представлен более подробный анализ. Во-вторых, достаточно уверенно можно сказать, что все эти сообщения были заимствованы испанскими журналистами из иноязычной прессы — французской и немецкой. В-третьих, несмотря на разный настрой, в большинстве из них прослеживаются основные общие для всех мысли: Пушкин — национальный поэт, певец национальных обычаев. В то же время он использует иноязычные образцы. Кроме того, не раз акцентируется внимание на том, что он умер молодым. Все эти черты встраивают жизнь и творчество Пушкина в испанское понимание романтизма. Именно в этом контексте он и воспринимался на протяжении почти всего XIX века.

²¹ Literatura rusa contemporanea (Conclusion) // La ilustración: periódico universal. 1849. T. I. № 14 (Junio 2). P. 110–111.

²² Статья о русской литературе. С. 284.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-82-86

© Н. Л. Дмитриева

О ФРАНЦУЗСКОЙ НАДПИСИ НА ЧЕРНИЛЬНОМ ПРИБОРЕ, ПОДАРЕННОМ А. С. ГРИБОЕДОВЫМ ЖЕНЕ: ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД БИЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В 1829 году Грибоедов из Тегерана посылает в подарок своей жене, Нине Александровне Грибоедовой (в девичестве Чавчавадзе), чернильный прибор, на крышке которого выгравирована следующая, сделанная по-французски, надпись: «Ecrives me souvent le mien ange Nynaubie! Tout le tien A. G.».¹ Надпись эта содержит грубые и нелепые ошибки, что вызывает недоумение, если вспомнить, что дипломат Грибоедов, один из образованнейших людей своего времени, вел сложную и ответственную дипломатическую переписку на французском языке. Многочисленные официальные бумаги, отношения и предписания, как и частные письма, написаны с точным соблюдением грамматических согласований, с использованием идиоматических выражений, непростой лексики. Чем же объясняется странный характер надписи на чернильнице?

¹ «Пиши мне часто, мой ангел Нинюбия! Весь твой А. Г.» (фр.). Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 498.